

Легенда о швейцарском рае. 24. Иван Шишкин об Александре Каламе: «Калямка», но «величайший» | La légende du paradis suisse. 24. Ivan Shishkin sur Alexandre Calame : «le plus grand de tous

Автор: Наталья Беглова, [Женева](#) , 14.05.2021.

И. И. Шишкин. Буковый лес в Швейцарии, 1863 г. (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de *Nasha Gazeta*, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 24. Ivan Shishkin sur Alexandre Calame : «le plus grand de tous

Выдающийся русский пейзажист Иван Иванович Шишкин (1832–1898) по примеру многих своих коллег-соотечественников не обошёл Швейцарию своим вниманием, хотя специально сюда не стремился. В 1861 году молодой художник в качестве «пенсионера» Академии предпочёл отправиться на стажировку в Мюнхен: немцы заинтересовали Шишкина главным образом их интересом к жанровой живописи. В тот период сам он, под влиянием Академии, тоже начал добавлять в свои пейзажи фигуры людей и животных. При этом следует отметить, что Шишкин весьма резко отзывался о многих работах даже признанных мастеров европейской живописи и, вообще, его коробило подобострастное отношение ко всему иностранному, которое

он наблюдал не только в среде художников, но и во всём российском обществе.

Оказавшись как-то в Берлине, Шишкин увидел несколько этюдов швейцарца Рудольфа Коллера, считавшегося в то время одним из лучших художников-анималистов. Они ему чрезвычайно понравились: «Сила его рисунка превосходит всех виденных мною художников этого рода. Живопись сильная, сочная, и окончательность доведена до последней степени». В итоге, прервав обучение в Германии, в конце февраля 1863 года Шишкин отправился к Коллеру в Цюрих и начал заниматься в его студии. В письмах к художнику Ивану Васильевичу Волковскому он восторженно отзывается о своём новом учителе: «Здесь мы уже начали писать с натуры, но теперь погода гадкая, она нас загнала опять в мастерскую Коллера — там я копирую коров. <...> А особенно как они написаны у Коллера — не больно раскачешься. Вот, кто хочет учиться животных писать, то поезжай прямо в Цюрих к Коллеру. Прелесть, я до сих пор не видывал и не думал, чтобы так можно писать коров и овец. А человек-то какой — просто прелесть. Вполне художник в душе и на деле».

И. И. Шишкин. Стадо под деревьями, 1864 г. (с) Государственная Третьяковская галерея, Москва

Цюрихский художник был очень требователен к ученикам, приходилось много работать, но молодого Шишкина это не пугало, и, по крайней мере, поначалу он полон энтузиазма: «Вот уже более месяца, как мы у Коллера, а сделали почти ничего, строг очень он к работе. Да и нашему брату, пейзажисту, есть чему поучиться — такие, брат, этюды, что ахти. Человеческие фигуры и этюды голые, так пишет, что наши академисты и понятия не имеют. <...> Да, брат, художник хороший — как посмотришь да подумаешь хорошенько, то так руки и опустятся, хоть и бросай всё».

Проучившись у Коллера до конца мая 1863 года, Шишкин уехал на лето в Бернский Оберланд, чтобы продолжить писать этюды. Однако в октябре он вновь вернулся в Цюрих, правда, с большой неохотой: «Я опять в (чёрт бы его побрал) Цюрихе», - пишет Иван Иванович в декабре тому же Волковскому. А в феврале 1864 года, в очередном письме к другу, сердито добавляет: «Цюрих проклятый».

И. И. Шишкин. Дубы, 1864 г. Этюд для картины «Вид в окрестностях Дюссельдорфа». (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

В Цюрих Шишкин возвращается, чтобы продолжить учёбу у Коллера и «позаняться у него животными». В письме, направленном в Совет Академии (и ставшем своеобразным «отчётом» о заграничной стажировке), художник не жалеет слов для восхваления швейцарского мастера: «Коллер — личность совершенно у нас неизвестная... Сила его рисунка превосходит всех виденных мною художников этого рода. Живопись сильная, сочная, и оконченность доведена до последней степени; в каждом мазке его кисти видны строгое изучение и безграничная любовь к искусству. Как пейзажист замечателен он не менее, ибо глубоко понимает природу и передаёт её с той же прелестью, как и животных...»

На самом деле, ни Коллер, ни учёба в его мастерской уже не вызывают у Шишкина прежнего энтузиазма. В Цюрихе ему всё надоело, психологическое состояние у художника тяжёлое; он мечтает о возвращении на родину, но, связанный с Академией определёнными обязательствами, не может всё бросить и уехать: «Ах, эта заграница <...> много она испортит здоровой крови, ну да и не дай бог быть в зависимости от кого-нибудь, а тем более от нашей Академии. Так связывает по рукам и ногам, что просто беда», — пишет он Волковскому.

А. Калам. Пейзаж с дубами, 1859 г. (с) Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Конечно, дело не только в том, что заграничная жизнь надоела Ивану Ивановичу и в Цюрихе его «обуял сплин»: увы, Шишкин разочаровался в своём наставнике. Поначалу Рудольф Коллер привлёк российского художника своим вниманием к изображаемому предмету, мастерством рисунка. Однако вскоре Шишкин почувствовал неумение Коллера создать цельную, законченную картину. «Его

принцип в искусстве — не удаляться от этюда ни на шаг», - с осуждением отмечал молодой художник. Суждения его стали независимы, порой прямолинейны до резкости: «О боже, боже, какая тягость такое скверное положение, ни на что бы не смотреть... — жёстко пишет Шишкин о швейцарском мастере, которым так недавно восхищался, — ...с профессором своим я тоже чуть не поругался, хотя он и хороший человек, а, по правде сказать, выскочка... И я теперь в мастерскую не хожу давно».

Перестав посещать занятия у Коллера, Шишкин в январе 1864 года отправляется к Каламу в Женеву, однако не застаёт его. Тогда он посещает Диде, учителя Калама, заходит ещё в несколько мастерских. Отзывы Шишкина о женевских художниках отнюдь не благосклонны: «На той неделе я был в Женеве и, вообрази, несчастье. Ехал собственно к Каламу, а он, его величество, изволил уехать в Италию, и, несмотря на весь мой натиск, попасть в мастерскую его не удалось, а был у Диде — пропасть хороших этюдов, а картины дрянь. Был ещё у некоторых живописчиков, такая, брат, дрянь».

И. И. Шишкин. Вид в окрестностях Дюссельдорфа, 1865 г. (с) Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

В годы обучения в Академии Шишкин весьма критично относился к Каламу, считая его пейзажи эффектными, но излишне декоративными, поэтому, в отличие от многих своих коллег, был скуп на похвалы и не считал полотна знаменитого женева вершинами мастерства. Увидев одну его картину в Берлине, Шишкин записал в дневнике: «Калям очень плох». Между тем, узнав о смерти Калама в конце марта, Шишкин написал Волковскому: «Конечно, вы уже там знаете и оплакиваете величайшего из художников, Калама, он помер. Но ведь это так только, он для блезиру помер, а жить будет вечно. Великий художник был, теперь едва ли найдётся

подобный, хороших писак много, что и говорить, да таких воротил, как Калямка, нет и не будет... по крайней мере долго, долго... Чёрт знает, последнее время при его жизни все, и я в том числе, как-то забыли его и даже поругивали частенько, и теперь, как нет уже его более на свете, так он и воскрес в своих великих трудах. Теперь каждая его литография кажется ещё великолепнее, нежели прежде. Да, не скоро ещё наживёт мир себе такого туза...»

Безусловно, эти строки, хотя и написаны под влиянием момента, свидетельствуют о том, что Шишкин понимал истинную значимость Калама для европейской живописи. Да и сам он на раннем этапе своего творчества явно не избежал влияния швейцарского мастера. Если сравнить «Пейзаж с дубами» Калама и этюд «Дубы», написанный Шишкиным в Дюссельдорфе, то легко заметить, что похожи эти работы не только сюжетом, но и близостью живописной манеры. Добавим, что в 1865 году за картину «Вид в окрестностях Дюссельдорфа», заказанную известным коллекционером Николаем Дмитриевичем Быковым (1812–1884), Шишкин получил в России звание академика.

И. И. Шишкин. Швейцарский пейзаж, 1866 г. (с) Государственный музей изобразительных искусств Татарстана, Казань

В 1866 году Иван Иванович наконец вернулся на родину из затянувшейся заграничной стажировки. Занятия у известных европейских художников, в том числе у Коллера, не прошли даром: молодой Шишкин, несомненно, обрёл мастерство. Будучи в Цюрихе, он писал отнюдь не только «коров, овец и прочую скотину». Тонко чувствуя природу, российский художник, конечно, не мог остаться равнодушным к пейзажам Швейцарии. Свидетельство тому — около дюжины этюдов и несколько прекрасных картин.

Швейцарии Иван Иванович больше не увидел, найдя источник вдохновения в красотах родных лесов и полей. В 1893 году Шишкин, отвечая на вопрос журналиста "Петербургской газеты" «Каков ваш девиз?», ответил: «Быть русским, вот мой девиз. Да здравствует Россия!»

[русские художники в швейцарии](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/culture/legenda-o-shveycarskom-rae-24-ivan-shishkin-ob-aleksandre-kalame-kalyamka-no>